ISSN 2313-2299

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

СЕРИЯ
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016 № 1

В этом выпуске:

– Системность языка и методология знания
– Символичность в языке и тексте
– Политический дискурс

Координационный Совет научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов»

Филиппов В.М. — ректор РУДН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО — *председатель Совета*
Зарюто С.А. — заместитель директора ИПК РУДН — *ответственный секретарь Совета*

Члены Координационного Совета

Абрамов А.Ю. — директор медицинского института РУДН, кандидат медицинских наук, доцент
Балыхина Т.М. — декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного РУДН, доктор педагогических наук, профессор
Барабаш В.В. — декан филологического факультета РУДН, доктор филологических наук, профессор
Воскресенский Л.Г. — декан факультета физико-математических и естественных наук РУДН, доктор химических наук, профессор
Ефремов А.П. — проректор по учебной работе, доктор физико-математических наук, профессор
Кирабаев Н.С. — проректор по научной работе, доктор философских наук, профессор
Мосейкин Ю.Н. — декан экономического факультета, доктор экономических наук, профессор
Плющиков В.Г. — директор Аграрно-технологического института РУДН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Пономарев Н.К. — декан инженерного факультета РУДН, кандидат технических наук, доцент
Цвык В.А. — декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, доктор философских наук, профессор
Черных Н.А. — декан экологического факультета РУДН, доктор биологических наук, профессор
Шаронов В.Н. — директор ИПК РУДН, кандидат физико-математических наук
Якушев В.В. — декан факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН, кандидат химических наук, доцент
Ястребов О.А. — директор юридического института РУДН, доктор юридических наук, профессор

Индекс журнала в каталоге подписных изданий Агентства «Роспечать» — 80555

ISSN 2313-2299

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2016

Уважаемые коллеги!

Российский университет дружбы народов (РУДН) приглашает Вас к сотрудничеству в научном журнале «Вестник РУДН».

«Вестник РУДН» публикует результаты фундаментальных и прикладных научных исследований в виде научных статей, аналитических и библиографических обзоров и научных сообщений. Тематическая направленность определяется содержанием серий.

«Вестник РУДН» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются **Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ)** при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Научный журнал «Вестник РУДН» выходит в 21 тематических сериях. Каждая серия — 4 номера в год.

Вы можете оформить подписку через агентство ОАО «Роспечать» в любом почтовом отделении.

	Серия	Индекс по каталогу «Роспечать»
1	Вестник РУДН Серия «Инженерные исследования»	18230
2	Вестник РУДН Серия «Математика. Информатика. Физика»	18235
3	Вестник РУДН Серия «Информатизация образования»	18234
4	Вестник РУДН Серия «Медицина»	18233
5	Вестник РУДН Серия «Философия»	18231
6	Вестник РУДН Серия «История России»	18232
7	Вестник РУДН Серия «Международные отношения»	20824
8	Вестник РУДН Серия «Социология»	20826
9	Вестник РУДН Серия «Политология»	20827
10	Вестник РУДН Серия «Экология и безопасность жизнедеятельности»	20829
11	Вестник РУДН Серия «Вопросы образования: языки и специальность»	20830
12	Вестник РУДН Серия «Юридические науки»	20831
13	Вестник РУДН Серия «Агрономия и животноводство»	36842
14	Вестник РУДН Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»	36433
15	Вестник РУДН Серия «Экономика»	36431
16	Вестник РУДН Серия «Лингвистика»	36436
17	Вестник РУДН Серия «Литературоведение. Журналистика»	36435
18	Вестник РУДН Серия «Психология и педагогика»	36432
19	Вестник РУДН Серия «Всеобщая история»	37025
20	Вестник РУДН Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»	80555
21	Вестник РУДН Серия «Государственное и муниципальное управление»	70661

Материалы статей и вопросы по сотрудничеству следует направлять строго по адресу редакционной коллегии соответствующей серии.

СИМВОЛИЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

УДК 81'37

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРИАДЕ КАК ОСНОВАНИИ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

А.Е. Бочкарев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Россия, 603155
abotchkarev@hse.ru

Статья посвящена сложившимся в научном обиходе моделям значения. независимо от предлагаемой модели, основанием значения слова служит восходящая к Аристотелю триада *слово — понятие — вещь*, а точнее сфокусированное в интересах анализа отношение. В отношении к вещи значение анализируемого именного выражения сводится к обозначению; в отношении к понятию — к объективированным в научной практике специальным научным знаниям или не всегда достоверным мнениям и представлениям. Так анализ значения сопрягается попеременно с истиной и референцией, таксономическими или обыденными знаниями, схемами повседневного опыта, ментальными репрезентациями, прототипами, социальными стереотипами, субъективными переживаниями и т.д. При этом наиболее адекватной моделью может быть признана с очевидностью лишь такая модель, в которой учитываются по возможности все или почти все виды значения.

Ключевые слова: значение, знание, истина, референция, семантическая триада, схемы повседневного опыта.

Значение слова, прежде всего имени, обычно определяют в рамках семантической триады *vox — conceptus — res*, а анализ знака сводят к отношениям внутри триады: (i) слова к вещи: знак обозначает предмет (значение знака), (ii) слова к понятию: знак выражает смысл (смысл знака), (iii) понятия к вещи: смысл знака задает значение [14. С. 221; 250—251; 489]. Эти отношения учитываются за редким исключением во всех теориях значения, и даже может возникнуть впечатление, что преобразованная схоластами, а затем популяризированная К. Огденом и А. Ричардсом [17] аристотелевская триада позволяет окончательно решить все связанные с лексическим значением проблемы.

Рассмотрим названные отношения как основания теории значения.

Отношение имени к вещи. В первом приближении семантическую триаду можно ограничить отношением имени к вещи, а значение всякого анализируемого

именного выражения свести к обозначению в определениях вида: «Имя обозначает объект. Объект — его значение» или «Имя в предложении представляет объект» [3. С. 12]. В таких определениях значение «не растворяется в вещи», а подтверждает разве только факт ее существования, знание о том, что именно эту вещь называют так-то, а не иначе. Но для сторонников экстенсиональной семантики этого достаточно, чтобы гипостазировать функцию обозначения, а за основу анализа значения взять постулат вида «...обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению», по Г. Шухардту.

Основанием теории значения может быть в таком случае только референция. Анализ значения подчиняется изучению отношений между языковыми выражениями и обозначаемыми ими реалиями и с необходимостью сводится к установлению условий, которым до́лжно удовлетворять, чтобы правильно обозначать, анализируемое языковое выражение [2. С. 166; 5. С. 99—120; 11. С 56—57; 13. С. 44—51]. При этом особую трудность для экстенсиональной семантики вызывают безденотатные имена вроде *химер*, *русалок* или *единорогов* да размытость экстенсионала. Ибо если значение равнозначно обозначению, как поступать с выражениями с неопределенным или, хуже того, фиктивным референтом, с тем, что неопределенно или что вообще не существует? Чтобы выйти из затруднительного положения, не остается, в сущности, ничего другого, как признать эти выражения неопределенными или фиктивными, а их интерпретацию — непрозрачной и даже неоднозначной, и тем самым различать определенные и неопределенные дескрипции, а к определенным дескрипциям, вслед за К.С. Доннеланом, применять два вида толкования: атрибутивное или референтное [4. С. 139—144].

Указанные трудности не отменяют, конечно, отношение имени к вещи, но предъявляют к этому отношению особые требования главным образом в плане оформления субстанции «чувственности». Трансцендентальную философию здесь интересует прежде всего, как «материя ощущения» входит в априорные формы чувственности и рассудка [7. С. 15], а лингвистическую семантику — по каким признакам фиксируется референция имени в высказывании, почему в предикатных конструкциях избираются именно эти, а не какие-то другие признаки и, что не менее важно, насколько необходимы и достаточны эти признаки для идентификации обозначаемого словом объекта.

В зависимости от избираемого критерия отбора возможными становятся, в частности, такие решения:

— сообразуясь с «чувством реальности», отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, по которым задается «референтное впечатление» (Ф. Растье), или «эффект реальности» (Р. Барт). В описании, например, какого-то строения референция к объекту задается по таким признакам, по которым можно воссоздать в привычных очертаниях обозначенный словом объект: дом, школу или магазин;

— сообразуясь с «эмпирическим опытом», отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, которые соответствуют привычным для нас представлениям, как выглядит обычно обознача-

емая словом вещь. Например, в высказывании о плохо или хорошо прожаренном куске баранины референция к объекту опосредуется эмпирическим опытом, насколько прожаренным должно быть по обыкновению приготовленное и поданное к столу мясо;

— сообразуясь с субъективными переживаниями, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, которые соответствуют сиюминутным субъективным переживаниям говорящего. Например, в высказывании об истопленной с утра печке референция к объекту фиксируется главным образом на ощущении исходящего от печи тепла, а не на качестве побелки или размерах печки;

— сообразуясь с критерием релевантности, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, по которым данную нам в ощущениях вещь можно идентифицировать как тождественную самой себе и тем самым отличить от других подобных ей вещей. Например, в высказывании о некой корове как бодливой корове референция к объекту совершается через указание на особо примечательную индивидуализирующую деталь, по которой данная корова отличается от других коров;

— сообразуясь с требованиями ситуативного контекста, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, которые востребованы в текущем контексте. Например, в высказывании о женщине, поправляющей перед зеркалом шляпку или прическу, внимание фокусируется главным образом на отражательной способности зеркала, а не на его размерах, художественной ценности или материале, из которого сделана рама, а в высказывании о зеркале, выставленном на продажу на аукционе, — на художественных и прочих его достоинствах;

— сообразуясь с интенциональным состоянием говорящего, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, с которыми соотносится в данном контексте мнения намерение говорящего — намерение выделить этот, а не какой-то другой признак. Например, в высказывании *Там очень тонкий лед* выведение в фокус частнооценочного признака *тонкий* свидетельствует о намерении говорящего предупредить о грозящей кому-то опасности;

— сообразуясь со схемами повседневного опыта, отбирать в референции к объекту надлежит преимущественно такие признаки, свойства и состояния, по которым проще установить частичное или полное его соответствие какой-то извлекаемой из памяти когнитивной схеме — прототипу, образцовому представителю категории, социальному стереотипу и т.д. Например, когда героиня Чехова говорит: *Мой муж — Отелло*, референция к объекту совершается по аналогии с наиболее ярким образцом доходящей до безумия ревности.

Так референция к объекту приводится в соответствие с прагматическим окружением, условиями коммуникации, установкой мнения, эмпирическими правилами смысла, потребностями варьирования количества включаемой в сообщение информации, базовыми схемами восприятия, стереотипными представлениями,

субъективными переживаниями, интенциональными состояниями, пропозициональными установками, стремлением обозначить релевантные для говорящего признаки, свойства и состояния объекта и т.д.

Отношение имени к понятию. Семантическую триаду можно ограничить, кроме того, отношением имени к понятию[1], а в таком отношении усмотреть смысл знака как отраженное знание о вещи[2]. Остается только договориться, что понимать под отраженным знанием о вещи, а заодно и под ассоциируемым с ним смыслом знака: специально-научное понятие или обыденное представление, совокупность наиболее примечательных сущностных свойств или данный нам в чувственном восприятии образ, сигнификативное значение или ментальную репрезентацию?

От ответа на такой, казалось бы, простой вопрос зависит как состав исследуемого значения, так, собственно, и способы его представления в металингвистическом описании. В онтологически ориентированной семантике «отраженное знание о вещи» отождествляется обычно с абсолютно достоверным знанием, так что к компонентам значения всякого анализируемого именного выражения приходится заключать от объективных свойств вещи по формуле вида $P(t)$ истинно, если и только если объект, обозначенный именем t, выполняет свойство, названное именем p. Единственно возможной процедурой анализа становится в таком случае условно-истинностный анализ, наиболее приемлемым инструментарием — объективированные в общественной практике специально-научные системы знания, гарантом истинности значения — соответствие действительному положению вещей.

Например, чтобы определить, что означает франц. *corps* ‘тело’ в сочинении Ж. Ламетри «Человек-машина», П. Грайс обращается к «более или менее подробным знаниям» из популярной биологии, позволяющей ему установить в виде набора засвидетельствованных понятийных признаков так называемый «пучок объекта», а этот пучок — обозначить через *мускулы*, *кровь*, *движение*, *мозг* и *нейроны* [16. С. 11]. Так отраженные в понятии свойства вещи преобразуются в компоненты значения, а языковое значение отождествляется implicite с понятием.

Даже не вдаваясь в обсуждение, насколько исчерпывающим является пучок объекта, как установить адекватность входящих сюда компонентов значения и какие знания гарантируют наилучшим образом «правильное» истолкование, заметим только, что значение франц. *corps* «тело» в сочинении Ж. Ламетри расходится существенным образом с предлагаемым толкованием. В интерпретации П. Грайса игнорируются, во всяком случае, интерпретирующие возможности контекста (в котором *corps* ‘тело’ коррелирует с *âme* ‘душа’ в отношении к *machine* ‘машина’),

[1] «Представлению в душе» в определении Аристотеля.

[2] Аналогия между понятием и лексическим значением возможна, во-первых, потому что лексическое значение выводится, как и понятие, путем обобщения и абстракции; во-вторых, потому что лексическое значение определяется, как и понятие, как отраженное знание о предмете; в-третьих, наконец, потому что лексическое значение эволюционирует, как и понятие, вместе с познанием. Единственно принципиальное отличие заключается, пожалуй, только в том, что лексические значения не имеют четко очерченных границ: они диффузны, а порой и ошибочны [8. С. 14].

а *fibres du cerveau* ‘волокна мозга’ почему-то преобразуются в неведомые Ж. Ламетри нейроны. Такая несуразица, заключает Ф. Растье, плата за уподобление значения *corps* ‘тело’ (в тексте Ж. Ламетри), понятия тела (в популярной биологии) и тела как объекта, представленного понятием-пучком [12. С. 24—25].

Подобные примеры позволяют с очевидностью осознать, с какими трудностями сталкивается анализ значения по онтологическим свойствам обозначаемых словами вещей, а вместе с тем и высказать некоторые критические замечания в адрес онтологически ориентированной условно-истинностной семантики, итак:

— в сугубо онтологическом подходе лингвистическая семантика попадает в зависимость от специально-научного знания, а семантический анализ низводится volens nolens до проверки, насколько выделяемые компоненты значения соответствуют действительному положению вещей в той или иной области знания;

— лексическое значение, пусть некоторые компоненты значения и отражают соответствующие аспекты понятийного значения, не исчерпывается и даже не совпадает с понятийным значением;

— семантический анализ затрудняется, когда обозначаемая словом вещь расходится с объективным ее представлением, а предицируемые в суждении признаки не соответствуют или даже противоречат сущностным свойствам вещи. Отсюда извечные вопросы, которыми задается онтологически ориентированная условно-истинностная семантика, остается ли, например, разбитая бутылка «бутылкой», нож без лезвия — «ножом». Если придерживаться понятийных признаков, а эти признаки возводить в достоинство необходимых и достаточных условий, которым должен удовлетворять знак, чтобы правильно обозначать, *разбитая бутылка* тогда и в самом деле уже не бутылка, *нож без лезвия* — не нож, поскольку не удовлетворяют необходимым требованиям: ‘быть сосудом для жидкости’ или ‘быть инструментом для резания’;

— в силу ограниченности знания пределами заданной предметной сферы нельзя с уверенностью утверждать, с каким преимущественно знанием должны сообразовываться исследуемые понятия, а вместе с тем и устанавливаемые на их основе компоненты значения;

— ограничившись отношением имени к понятию, приходится отказаться от обиходных представлений об окружающих нас в мире вещах в пользу сугубо специально-научных представлений.

Указанные трудности не отменяют, безусловно, отношение имени к понятию, но предъявляют к этому отношению, а заодно и к содержанию понятия, особые требования. Действительно, если под отраженное знание о вещи подводить не только специально-научные знания, но и обыденные представления, по которым определяются в когнитивной проекции окружающие нас в мире вещи, меняется тогда и содержание выводимого на их основе «понятия». Весьма примечательно в этой связи обращение к прототипам, социальным стереотипам, типичным примерам, идеалам и образцам как базовым «выводным схемам» в когнитивной семантике. Вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий понятие «птица», например, определяют в отношении к *воробью* как наиболее типичному представителю категории **птицы**, понятие **муж** — по стереотипным представлениям, как выглядят обычно мужья, а понятие **ревнивый муж** — в сравнении

с Отелло как наиболее ярким образцом ревнивых мужчин. Причем какой бы ни была когнитивная точка отсчета — объективным или субъективным, достоверным или непроверенным знанием, незыблемым в условиях переменного знания остается по-прежнему принцип *adaequatio rei et intellectus*: понятийно постигаемая вещь предстает в понимании такой, как ее задает понимание.

Таким образом, приходим к принципиальным для семантики установлениям:

- отношение имени к понятию опосредуется системой знаний;
- поскольку понятие ограничивается определенной сферой знания, отбор формулируемых в понятии признаков совершается по отношению к данной, а не какой-то другой области знания;
- в отборе понятийных признаков ограничиться возможно только признаками, достаточными для различения — «не более чем нужно для полноты понятия» [6. С. 547];
- в условиях переменного знания подводимое под понятие знание может быть только многозначным;
- в разных контекстах мнения под понятие как отраженное знание о вещи могут подводиться как объективированные в общественной практике специально-научные знания, так и не всегда достоверные мнения и убеждения. Эти системы представлений образуют в совокупности концептуальный фон, на котором оформляется понимание и на котором только и можно судить о признаках, свойствах и состояниях обозначаемых словами реалий;
- от фокусируемых в высказывании признаков, свойств и состояний объекта можно заключать к «представлению объекта в мысли», а по способу представления — еще и судить о производной системе знаний, мнений или убеждений;
- когда к обозначаемой словом вещи применимы сразу несколько систем знания, предпочтение отдается такой системе знания, которая отвечает оптимальным условиям понимания. Ибо если определять понятие в его границах, *стул* целесообразнее определять в рамках таксономии **предметы мебели** по отношению к другим предметам мебели, *кошку* — в рамках таксономии **семейство кошачьих** по отношению к другим представителям семейства кошачьих или **домашние животные** по отношению к другим домашним животным;
- каким бы ни был способ смыслополагания, общим остается моделирующий принцип: понимание не исчерпывается воспроизведением вещи **такой, как она есть**, а воссоздает ее в категориях какой-то определенной системы представлений;
- поскольку о соответствии понятия вещи самой вещи можно судить только в категориях соответствующей системы представлений, для семантики не так уж и важно, достоверны ли эти представления в смысле объективном; главное, что они отражают релевантное в данном контексте мнения знание, или «живое знание о предмете», К. Бюлеру;
- поскольку значение релятивизируется относительно системы представлений, в ином свете предстают и такие традиционные вопросы философии языка, как истина и референция:

— не будучи прямой, референция понимается отныне не как отношение репрезентации к вещам, а как отношение между обозначаемыми словами вещами

и системой представлений, относительно которой воспринимаются обозначаемые словами вещи;

— истинностное значение суждений релятивизируется относительно и системой представлений, с которым согласуется суждение о предмете;

♦ исследуемое семантикой лексическое значение коррелирует отчасти с понятием при условии, если отраженные в понятии знания о вещи преобразуются в семантической интерпретации в собственно-языковые компоненты значения;

♦ наиболее адекватной моделью значения может быть, по всей видимости, только модель, построенная на принципах эпистемологического консерватизма (С. Ору), то есть такая модель, в которой учитываются по возможности все или почти все виды отраженного в значении знания. С такой многозначностью смыкается, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на переменный характер значения-*знания*, на производные в контексте общественной практики переменные отношения между знаками, вещами и опосредствующими их представлениями.

Отношение понятия к вещи. Наконец, семантическую триаду можно ограничить и отношением понятия к вещи, а в таком отношении усмотреть примат смысла над значением в ключе намеченного Г. Фреге различия между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung) [14. С. 230—246]. Действительно, если под *значением* понимать референцию к объекту, а под *смыслом* — способ представления объекта в мысли, определяющим тогда будет смысл. Смысл задает значение, поскольку предопределяет, как фиксируется в речемыслительном представлении отношение имени к вещи.

Весьма примечательна в этой связи вариативность речевых номинаций того же объекта. Так, в обсуждаемом С. Крипке примере одного и того же человека можно назвать *Туллием* и *Цицероном*, а затем представить посредством фиксированных дескрипций как *непревзойденного римского оратора*, *обличавшего Катилину*, как *известного политического деятеля* или как *автора изучаемых в школе риторических сочинений* [9. С. 364—366]. Если знать, заключает С. Крипке, что *Туллий* и *Цицерон* суть имена того же человека и что приписываемые свойства ему действительно присущи, кореферентные имена можно тогда подставлять *salva veritate* по закону взаимозаменимости: *eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate*.

Не вдаваясь в рассуждения, чем имя объекта отличается от предикатных дескрипций, заметим пока, что *Туллий, Цицерон, непревзойденный римский оратор, обличавший Катилину, известный политический деятель и автор изучаемых в школе риторических сочинений* в самом деле тождественны по значению, но различны по смыслу: в одном случае это имя собственное, в другом — дескрипции в виде приписываемых Цицерону свойств. При этом эвристически ценным становится, по сути, не тождество по значению, а различие по смыслу. Ибо в зависимости от того, как определяется в суждении Цицерон — как *непревзойденный римский оратор, обличавший Катилину*, как *известный политический деятель* или как *автор изучаемых в школе риторических сочинений*, меняется мнение об объекте, объект мнения, его выделение и спецификация. Ни о каком тождестве здесь не может быть и речи.

Таким образом, приходим к принципиальным для семантики установлениям:

- по отношению понятия к вещи устанавливают фундаментальное различие между смыслом и значением: по отношению имени к вещи определяют значение, по отношению к понятию — смысл;
- смысл задает значение, поскольку предопределяет, по каким признакам, свойствам и состояниям фиксируется отношение имени к вещи;
- тождество по значению не влечет тождество смыслу;
- в эпистемологическом отношении эвристически ценным является скорее различие по смыслу, чем тождество по значению;
- закон взаимозаменимости кореферентных имен не действует в отношении номинатов в функции семантического предиката. В семантическом отношении такие номинаты, пусть и соотносятся с тем же объектом, не могут быть тождественными, поскольку выражают разные признаки, свойства и состояния, по которым характеризуется объект в суждении.

Вместо заключения. По своему содержанию разные виды значения неравнозначны; и вряд ли кто удосужится сегодня отождествлять референтное значение с сигнификативным значением, обыденное представление со специально-научным понятием. Невольно напрашивается вопрос, какому значению отдавать предпочтение в толковании слов. Лексическая семантика оказывается, во всяком случае, перед дилеммой со всеми вытекающими отсюда последствиями: игнорировать или учитывать сопутствующие знания в значении слова?

Если по примеру дескриптивной лингвистики из толкования исключать всякого рода сопутствующие знания на том основании, что за ними тянется шлейф психологических, научных или житейских представлений, придется отказаться тогда от знания вообще, а лексическое значение, ограничив номинацией, сводить разве только к референции. Если же, напротив, включать такие знания в толкование, значение растворится тогда в понятиях, представлениях или ощущениях, а семантика, низойдя до отрасли психологии, социологии или антропологии, утратит полностью самостоятельность. В качестве промежуточного решения можно, наконец, полагать, что знания о мире встроены в язык и что житейские и научные представления входят в лексическое значение в виде прагматических пресуппозиций или, почему бы нет, когнитивных аналогов таких пресуппозиций. Достоверны или нет такие системы в смысле объективном, заранее нельзя знать, зато можно утверждать безусловную достоверность этих систем как данного коллективного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Айдукевич К.* (1999). Язык и смысл [Ajdukiewicz K. Language and Meaning] // Логос № 7. Философско-литературный журнал. № 17. С. 67—93.

[2] *Вейнрейх У.* (1970). О семантической структуре языка [Weinreich U. On Semantic Structure of Language] // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М.: Прогресс. С. 163—249.

[3] *Витгенштейн Л.* (1994). Философские работы. Часть I. [Wittgenstein L. Philosophical works. Part I]. М.: Гнозис.

[4] *Доннелан К.* (1982). Референция и определенные дескрипции [Donnelan K. Reference and Definite Descriptions] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга. С. 134—160.
[5] *Дэвидсон Д.* (1986). Истина и значение [Davidson D. Logical Analysis of the Natural Language] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс. С. 99—120.
[6] *Кант Э.* (1999). Критика чистого разума [Kant E. Critique of Pure Reason]. М.: Наука.
[7] *Кассирер Э.* (2002). Феноменология познания [Cassirer E. The Phenomenology of Knowledge] // Философия символических форм. Т. 3. М.; СПб.: Университетская книга.
[8] *Кацнельсон С.Д.* (1986). Общее и типологическое языкознание [Katsnelson S.D. General and Typological Linguistics]. Л.: Наука.
[9] *Крипке С.* (1982). Тождество и необходимость [Kripke S. Logic and Linguistics: Problems of Reference] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга. С. 340—376.
[10] *Лосский Н.О.* (1991). Обоснование интуитивизма. Избранное [Losskiy N.O. Foundations of the Intuitivism. Selected papers]. М.: Правда. С. 11—334.
[11] *Моррис Ч.* (1983). Основания теории знаков [Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs] // Семиотика. М.: Радуга. С. 37—89.
[12] *Растье Ф.* (2001). Интерпретирующая семантика [Rastier Fr. Interpretive semantics]. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
[13] *Уфимцева А.А.* (1986). Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики [Ufimtseva A.A. Lexical meaning. Principe of the semiological description]. М.: Наука.
[14] *Фреге Г.* (2000). Логика и логическая семантика [Frege G. Logic and Logical Semantics]. М.: Аспект Пресс.
[15] *Чейф У.Л.* (1975). Значение и структура языка [Chafe W.L. Meaning and the Structure of Language]. М.: Прогресс.
[16] *Grize J.B.* (1982). Introduction à la logique naturelle et approche logique du langage // Approches formelles de la sémantique naturelle. Toulouse: L.L. S.I.
[17] *Ogden Ch. & Richards A.* (1923; reprint 1969). The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism, London, K. Paul.

ON THE SEMANTIC TRIAD AS A BASIS OF THE THEORY OF MEANING

Andrey E. Bochkarev
National Research University
"Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod)
Bolshaya Pecherskaya str. 25/12, Nizhniy Novgorod, Russia, 603155
abotchkarev@hse.ru

The article studies the approved in scientific discourse models of meaning while despite the type of a model proposed, meaning is often based on the relationship between the elements of the Aristotelian semantic triad: those of words to things, words to concepts, concepts to things. This way the theory of the meaning studied by semantics could be respectively combined with reference, knowledge and belief. Thus, meaning analysis is referred to the truth and reference, taxonomic or naïve knowledge, everyday experience, mental representations, prototypes, social stereotypes, individual feelings, etc. The only adequate model be recognized should obviously imply all or almost all of those types of meaning.

Key words: meaning, semantic triad, reference, knowledge, belief.